

ОТ АВТОРА

Большую часть своей жизни я была верующей католичкой и, хотя больше ею не являюсь, по-прежнему испытываю глубочайшее уважение к католической церкви. В то время как город Уэстон действительно существует (и он очарователен), церковь Святой Маргариты и отец Белл являются плодом моего воображения. И все же этот роман о католическом священнике, который влюбился. В книге будет секс, много секса и определенно немного богохульства (удовольствия ради).

Вас предупредили.

ПРОЛОГ

Существует много правил, которые нельзя нарушать католическому священнику.

Священник не может жениться. Священник не может отказаться от своей паствы. Священник не может подвергать сомнению святую веру своих прихожан в него.

Правила, которые кажутся такими очевидными. Правила, о которых я вспоминаю каждый раз, завязывая пояс священника. Правила, которым я клянусь следовать, надевая казулу¹ и поправляя свою столу².

Я всегда соблюдал правила.

Пока не встретил ее.

¹ Казула — в католической церкви литургическое облачение, надеваемое поверх других облачений, для совершения мессы.

² Стола — широкая лента, элемент литургического облачения, используется в католических литургических обрядах представителями всех степеней священства.

Меня зовут Тайлер Ансельм Белл. Мне двадцать девять лет. У меня имеется степень бакалавра по древним языкам, и я магистр богословия. Я назначен в этот приход с тех пор, как три года назад был возведен в сан священника, и мне здесь нравится.

Несколько месяцев назад я нарушил свой обет безбрачия на алтаре собственной церкви, и, да поможет мне Бог, я не против сделать это снова.

Я — священник, и это — моя исповедь.

Ни для кого не секрет, что покаяние — наименее популярное таинство. У меня было много теорий относительно причин этого: гордость, стеснительность, утрата духовной свободы. Но преобладающей среди них на данный момент была эта гребаная исповедальня.

Я возненавидел ее, как только увидел: нечто устаревшее и громоздкое, сохранившееся еще со смутных времен до Второго Ватиканского собора. Я помню, в детстве в моей церкви в Канзас-Сити

исповедальня представляла собой чистую, светлую, уютную комнатку с удобными креслами и высоким окном, выходившим в церковный сад.

Но эта кабинка — прямая противоположность той комнаты: тесная и формальная, изготовленная из темного дерева и украшенная вычурной лепниной. Я не страдаю клаустрофобией, но эта будка вполне способна вызвать боязнь замкнутых пространств. Сложив руки, я возблагодарил Бога за полученные пожертвования во время последнего сбора. Еще десять тысяч долларов — и мы сможем отремонтировать церковь Святой Маргариты в Уэстоне, штат Миссури, превратив ее в нечто напоминающее современную церковь. Больше никаких имитирующих дерево панелей. Никакой красной ковровой дорожки, которая, стоило бы признаться, неплохо скрывает винные пятна, но создает давящую атмосферу. Вместо этого здесь будут окна, много света и современность. Меня назначили в этот приход из-за его болезненного прошлого... И моего тоже. Для того чтобы забыть его, одного ремонта здания недостаточно, но я намеревался показать своим прихожанам, что церковь способна меняться: расти, развиваться в ногу со временем.

— Мне нужно покаяться, святой отец?

Я снова отвлекся. Что скрывать, есть у меня такой недостаток. И я ежедневно молился о том, чтобы от него избавиться (когда вспоминал об этом).

— Не думаю, что это необходимо, — ответил я.

Хотя сквозь декоративную ширму почти ничего невозможно было рассмотреть, я сразу же узнал исповедующегося, как только он вошел в кабинку. Роуэн Мерфи — мужчина средних лет, который преподавал математику и любил слушать разговоры полицейских, подключившись к их специальной частоте. В течение месяца он был моим единственным верным исповедующимся, и его грехи варьировались от зависти (директор школы отдал штатную должность другому учителю математики) до непристойных мыслей (администратор спортзала в Платт-Сити). Конечно, я знал, что некоторые священнослужители по-прежнему следовали старым канонам покаяния, но сам я не придерживался принципа «Прочитай два раза молитву Деве Марии и позвони мне утром». Основание грехов Роуэна крылась в его нетерпеливости и бездействии, и никакие молитвы по четкам не смогли бы изменить положение дел, пока он сам не устранил бы первопричину.

Я знаю по собственному опыту.

И, кроме того, Роуэн мне действительно нравился. Он был необычайно забавным и относился к тому типу людей, которые предоставляют авто-стопщикам свой диван для ночлега, а потом следят за тем, чтобы те отправились в путь с рюкзаком, полным еды, и с новым одеялом. Я хотел, чтобы он был счастлив, чтобы нашел себя. Хотел, чтобы он направил все свои добродетели на создание более полноценной жизни.

— Никакого покаяния, но у меня для тебя не-
большое задание, — продолжил я. — Подумай о сво-
ей жизни. Твоя вера сильна, но отсутствует цель
в жизни. Какие еще увлечения у тебя есть помимо
церкви? Что заставляет тебя каждое утро вставать
с постели? Что придает смысл твоим повседневным
действиям и помыслам?

Роуэн не ответил, но я слышал его дыхание. Он
задумался.

Прочитав заключительные молитвы, я благосло-
вил Роуэна, и он отправился обратно в школу, где
должен был провести остаток дня. И поскольку его
перерыв на обед почти закончился, то и мои часы,
отведенные на принятие исповеди, — тоже. Я взгля-
нул на экран телефона, чтобы быть уверенным,
и уже собирался выйти, как услышал что кто-то от-
крыл дверь в исповедальню и устроился напротив
меня. Подавив вздох, я снова сел. Сегодня у меня
выдался на редкость свободный день, и я с нетер-
пением ждал его. Никто, кроме Роуэна, никогда
не приходил на исповедь. Никто. И в тот единствен-
ный раз, когда я надеялся пораньше освободиться
и насладиться прекрасной погодой...

«Сосредоточься», — велел я себе.

Кто-то откашлялся. Женщина.

— Я... э-э-э... никогда прежде этого не делала. —
Ее голос можно было сравнить с лунным светом: та-
кой же тихий и манящий.

— А, — улыбнулся я. — Новичок.

Мои слова заставили ее негромко рассмеяться.

— Да, думаю, что так. Я только в фильмах такое видела. Сейчас мне полагается сказать: «Простите меня, святой отец, ибо я согрешила»?

— Почти. Сначала мы совершаем крестное знамение. Во имя Отца, Сына и Святого Духа... — Я слышал, как она повторяет эти слова за мной. — А теперь скажи, сколько времени прошло с твоей последней исповеди, которая была...

— Никогда, — закончила она за меня. Женщина казалась молодой, но не юной. Моей ровесницей, возможно, чуть моложе. А ее голос звучал по-городскому суетливо и без акцента, в нем отсутствовала та самая тягучесть, которая присуща местному населению сельской части Миссури. — Я... э-э-э... увидела церковь, когда была на винодельне через дорогу. Хотела... ну, есть кое-что, что не дает мне покоя. Я никогда не отличалась особой религиозностью, но подумала, что, может быть... — она на минуту замолчала, а потом резко вздохнула: — Глупая была идея, я такая дура. Мне лучше уйти.

Послышалось, как она встала.

— Стой, — велел я и сам себе поразился. Никогда раньше не указывал другим, что делать, в такой манере. Вернее, теперь уже больше не указывал.

«Соберись».

Она села, был слышен шелест сумки в ее руках.

— Ты не дура, — сказал я более мягким голосом. — Это не какое-то там соглашение. И этим ты не даешь обещания посещать мессу каждую неделю до конца своей жизни. Сейчас можно быть услышанной.

Мной... Богом... Возможно, даже самой собой. Ты пришла сюда потому, что искала эту возможность, и я могу тебе ее дать. Так что, пожалуйста, останься.

Она сделала глубокий вдох.

— Просто я... то, что меня тяготит, не знаю, должна ли я кому-либо об этом рассказывать. Тем более вам.

— Потому что я мужчина? Тебе было бы комфортнее поговорить сначала с женщиной-мирянкой?

— Нет, дело не в том, что вы мужчина. — Я услышал улыбку в ее голосе. — А в том, что вы священник.

Я решил высказать предположение.

— А то, что тебя тяготит, имеет плотскую природу?

— Плотскую. — Она засмеялась, ее смех был похож на нежную, чувственную мелодию. Внезапно я поймал себя на том, что задаюсь вопросом, как выглядит эта женщина: светлая ли у нее кожа или загорелая, стройная ли она или обладает пышными формами, какие у нее губы — нежные или пухлые?

Нет, я должен был сосредоточиться. И не на том, что ее голос невольно заставил меня почувствовать себя больше мужчиной, нежели священником.

— Плотскую, — повторила она. — Звучит как какой-то эвфемизм.

— Ты можешь выразиться максимально расплывчатыми фразами. Наш разговор не должен тебя смущать.

— Эта перегородка помогает, — призналась она. — Проще, когда вас не видно, ну, знаете, в вашем церковном облачении и все такое, пока я говорю. — Теперь уже я рассмеялся.

— К твоему сведению, мы не носим церковные одеяния постоянно.

— Правда? Значит, это мои фантазии. Что же на вас тогда надето?

— Черная рубашка с длинными рукавами и белым воротничком. Думаю, тебе известен такой стиль. Ты видела его по телевизору. И джинсы.

— Джинсы?

— Настолько шокирующе?

Я услышал, как она прислонилась к стенке кабинки.

— Немного. Словно вы настоящий человек.

— Только по будням, между девятью и пятью часами.

— Хорошо, я рада, что вас не заставляют в течение недели носить официальное облачение или типа того.

— Попытки были. Слишком сильно потею. — Я замолчал. — И, если это поможет, обычно я ношу брюки.

— Это уже более походит на священника. — Последовала долгая пауза. — Что, если... К вам когда-нибудь приходили люди, которые совершали по-настоящему плохие поступки?

Я тщательно обдумал свой ответ.

— Мы все грешники в глазах Господа. Даже я. Смысл не в том, чтобы заставить тебя чувствовать